

Бородина Ангелина Владимировна
ФГБОУ ВО
«Башкирский государственный университет»,
г.Уфа, Российская Федерация
angel_borodina@mail.ru

Некоторые теоретико-концептуальные вопросы изучения капитала общественного участия населения муниципальных образований

Аннотация. Исследуются мультиконцептуальные аспекты изучения капитала общественного участия населения на местном уровне. В целях создания теоретико-методологической основы измерения капитала общественного участия на местном уровне осуществляется попытка дифференциации понятия «общественное участие» с другими дефинициями участия населения, формируется структура измерения феномена участия, приводится практика измерения капитала общественного участия муниципальных районов на примере Республики Башкортостан.

Ключевые слова: общественное участие; гражданское участие; капитал общественного участия; местное развитие; стратегирование местного развития

Borodina Angelina Vladimirovna
Bashkir State University,
Ufa, Russian Federation
angel_borodina@mail.ru

Some theoretical and conceptual issues of studying the public participation` capital of the municipalities` population

Abstract. Multi-conceptual aspects of studying the public participation` capital of the population at the local level are studied. In order to create theoretical and methodological basis of measurement of the public participation` capital at the local level is given an attempt of differentiation of the concept "public participation" with other definitions of participation, is given the structure dimensions of the phenomenon of participation, is given the practice of measurement of the public participation` capital at municipal regions on example of Republic of Bashkortostan.

Keywords: public participation; civic participation; the public participation` capital; local development; local development strategy

Актуальность. Процесс модернизации общественной системы не может происходить без модернизации социального управления. В социокультурном аспекте процесс модернизации современного российского общества актуально рассматривать как тенденцию к конвергенции общественных систем капитализма и социализма, о которой писал П. А. Сорокин [Гилязитдинов, 1997: 13]. Этот подход сам по себе вызывает необходимость в изучении новых, «интегративных» аспектов управления. Теоретическая и практическая актуальность выбранной темы вызвана:

продолжающимися изменениями современного социального управления в сторону полисубъектности, растущей плюралистичностью концептуального поля темы общественного участия, многоаспектностью и недостаточной разработанностью понимания этого феномена, разнообразием методологических подходов к его измерению.

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, одним из основных его вызовов является возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития, важнейшей социальной и институциональной проблемой названа слабое развитие форм самоорганизации и саморегулирования бизнеса и общества, низкий уровень доверия в сочетании с низким уровнем эффективности государственного управления [Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года]. Поэтому прикладная актуальность связана с возрастающей нуждой в формировании эффективных стратегий социально-экономического развития на местном уровне социального управления, что невозможно без детального плана исследования и стратегирования развития человеческого капитала. Несомненно, в контексте ориентации на результат – т.е. нацеленности на модернизацию каждого муниципального образования, изучение вопроса участия населения МО не должно сводиться только к его участию в непосредственной демократии, а необходим более широкий контекст исследования вовлеченности населения в решение социальных проблем на местном уровне.

Теоретико-концептуальное поле изучения общественного участия в социальном управлении на местном уровне весьма разнообразно. В той или иной степени основой его изучения могут служить: институциональный подход, социокультурный, системный, структурно-функциональный, неокорпоративистский подход, исторический и т.д.

Считается, что контекст, структура и содержание человеческой деятельности по Дж. Уэрчу базово определяются прежде всего с точки зрения институционального (структурного), культурного (содержательного) и исторического (ситуативного) измерения [Орлова, 2014: 4–16] На мой взгляд, при рассмотрении феномена общественного участия в первую очередь необходимо сосредоточиться на ракурсе социокультурного подхода, поскольку феномен колеи, связанный с медленным изменением привычек, традиций населения, инерционность в изменении общественных процессов – важнейшее препятствие на пути модернизации всей социально-экономической системы.

Социокультурный подход предполагает рассмотрение любого процесса сквозь призму взаимодействия субъектов. Общественное участие превращается в полисубъектное социальное управление, когда акторы начинают в решении вопросов развития действовать сообща. В аспекте социальной и социокультурной системы в

понятии взаимодействия выделяют явное взаимодействие (активное или пассивное), совместные цели взаимодействия; общие правила и нормы поведения; общие властные структуры; язык, обычаи, традиции, культуру, общие ценности, смыслы, образцы поведения, менталитет жителей территории, исторический опыт и т.д. Согласно другой классификации, по типам ресурсов, особо подчеркивают наличие в социокультурной системе интеллектуальных, научно-образовательных местных ресурсов [Кулибаба, 2012: 119] или знаний и компетенций, знаниевой культуры. Кроме личности, как субъекта социального управления и взаимодействия, важное значение для системы и процесса общественного участия имеет социальное окружение.

Анализ литературы свидетельствует: концептуальное поле изучения общественного участия включает концепцию человеческого капитала, концепцию устойчивого развития, концепцию социального государства, концепции государства благосостояния, концепцию социального партнерства и др. Различные концепции вносят свою лепту в трактовку основных категорий общественного участия и возможность использования этих трактовок в практике его измерения и управления. За последние 40 лет произошла значительная эволюция концепций социального взаимодействия и социального управления – концептуальное поле усложняется, становится многообразнее. Отмечается, что в теориях 1960-х гг. функционировал преимущественно дискурс гражданства, а в концепциях 1980–2000-х гг. к нему добавился и дискурс гражданского общества, секторальный дискурс. Параллельно, в 1980-х-1990-х гг., в фокус изучения попадает вовлеченность секторов общества в решение актуальных межсекторных проблем в рамках концепции межсекторного партнерства; [Галлямов, Горбунова, 2013: 26–32; Лебедева, 2010: 471–477]. А в теории управления, начиная с 2000-х гг., вовлеченность превращается в новую мантру менеджмента в рамках концепции вовлеченности работника в организации [Kahn; Harter; Массу; Армстронг, Тейлор, 2018].

Концепция человеческого капитала позволяет понять: как распространяются практики общественного участия, оценить его структуру и потенциал, с помощью каких средств его можно усилить.

Капитал общественного участия, как человеческий капитал в целом, может включать компоненты: интеллектуальный, социальный, и организационный. Адаптируя Шульца [Schultz, 2009: 67], капитал общественного участия состоит из социопроектных знаний, навыков и способностей. Несколько перефразируя Бонтис и др [Bontis, 2009: 67], человеческий капитал делает территорию самобытной, он включает способности людей к обучению, изменениям, инновациям, они обеспечивают созидательный толчок, мотивированный должным образом, он может обеспечить долговременное развитие территории.

Социальный капитал – часть интеллектуального капитала. Как отмечает Скалабан И. А., концепция социального капитала Р. Патнэма и др., позволяет понять готовность к участию, установки, субъектность участвующего, его потенциал. Тем

самым, отмечает она, – проблемное поле исследования общественного участия расширяется до включения в изучение развитие социальных сетей и норм поведения, основывающихся на доверии и взаимной поддержке [Скалабан, 60] Социальный капитал важно учитывать, т.к. знание развивается посредством взаимодействия людей. Интеллектуальный капитал все время развивается и меняется, и значительную роль в этих процессах играет то, как люди действуют вместе.

Также капитал общественного участия включает организационный («структурный», по [Edvinson and Malone, 2009] капитал. Это институционализированное знание, принадлежащее организации (и/или территории), выраженное в базах данных, руководствах и т.д. (на основе: [Юндт, Youndt, 2000]).

Категориальное поле феномена общественного участия в современной зарубежной и отечественной литературе многоаспектно, многозначно. Основная дефиниция «общественного участия» в современной литературе зачастую трактуема многозначно и не разделена с пересекающимися понятиями. В литературе можно встретить приводимые как синонимы и до конца не дифференцированные такие категории, как: «общественное участие», «гражданское участие», «вовлеченность», партисипативное управление и т.д. Конечно, это связано прежде всего с разными целями и задачами исследователей, предметом исследования. Теоретическая недифференцированность и размытость предмета исследования на практике приводит к тому, что понятие общественного участия на местном уровне сводится к формам участия населения в местном управлении, которые закреплены в ФЗ-131. Предмет «социокультурные аспекты модернизации» и стратегическая задача выделения системы индикаторов общественного участия в целях муниципального развития требует уточнения определения общественного участия для целей и задач стратегирования муниципального развития.

Сложности изучения общественного участия на местном уровне связаны еще и с тем, что, как отмечают ученые, российское местное самоуправление многозначно по природе. С одной стороны, – это первый уровень власти, с другой – важнейший институт отечественного гражданского общества [Макарова, 2015], что может приводить при его измерении к концептуально-методологической путанице.

Ряд авторов проводит различия между понятиями «общественное участие» и «гражданское участие». По мнению Ухановой Ю. В., [Уханова, 2019] понятие гражданского участия сводится к сумме политического и социального участия.

В чем же тогда его отличие от общественного? Т. Виноградова и А. Сунгуров считают, что в общественном участии отсутствуют некоторые формы политической активности (участие в выборах, участие в деятельности политических партий и движений, а также формы протестного участия). Авторы дают следующее определение понятию «общественное участие» – «это непрерывный двунаправленный процесс взаимодействия между гражданами и органом власти (учреждением, ведомством), отвечающим за принятие решения и включающий: меры, способствующие полному

пониманию общественностью процессов и механизмов подготовки и принятия решений ответственным ведомством; полное информирование общественности о статусе и продвижении разработки и внедрении проектов, планов, программ, выработки приоритетов политики или проведения оценки; активный сбор мнений всех заинтересованных граждан, их восприятия целей и задач, а также их предпочтений в отношении использования ресурсов и альтернативных стратегий развития или управления и любой другой информации, касающейся принимаемого решения».

При этом в общественное участие они включают как отдельных жителей, так и НКО, в т.ч. вовлеченность граждан в саму деятельность общественных организаций по решению проблем и реализации интересов многих людей, даже и без обращения или участия власти [Виноградова, Сунгуров]. На мой взгляд, это определение ценно, двумя аспектами: 1) подчеркивается и публичный и непубличный характер «общественного участия»; 2) возможен партнерский (взаимодействующий) и не взаимодействующий его характер. Для измерения общественного участия на местном уровне это принципиальные моменты, почему в индикаторы общественного участия необходимо включать и участие в муниципальном управлении, и вопросы взаимодействия (партнерства) и аспекты развития сектора НКО. На мой взгляд, использование данного определения для наших целей недостаточно только узким (европейским) определением гражданского общества и сведением его измерения только до изучения НКО. При изучении общественного участия необходим более широкий (американский) подход и включение в измерение и социально-ответственного бизнеса, и социального предпринимательства.

О. Н. Яницкий отмечает: гражданское и общественное (активизм) отличается прежде всего: по целям, сфере (области) и по методам (инструментам). Взятый таким образом ракурс позволяет не растеряться во множестве используемых авторами альтернативных терминов, характеризующих общественное участие.

В области управления используются категории, позволяющие подчеркнуть управленческую направленность категории общественного участия. Е. В. Симонова, Э. Ю. Майкова, рассматривая стратегирование развития территорий на уровне МСУ и путей решения существующих в местных сообществах проблем применяют термин «самоуправленческий потенциал» населения муниципальных образований, анализ которого предполагает изучение как форм и характера участия граждан в практиках МСУ, так и потенциальной готовности населения к такому участию. Под самоуправленческим потенциалом населения авторы понимают совокупность представлений и поведенческих установок жителей муниципальных образований, соответствующих характеристикам субъектности [Симонова, Майкова, 2017] На мой взгляд, из такого подхода «пропадает» часть капитала общественного участия, а именно связанная с измерением гражданского общества.

На уровне организации в рамках теорий западного управления используется термин «вовлеченность» работников. В организационном контексте социального

управления этот термин давно подразумевает нечто, что необходимо мотивировать, стратегировать.

На уровне государственного управления за рубежом акцент на мотивации и стратегировании общественного участия начал звучать не так давно, он стандартизован с помощью системы добровольной национальной стандартизации, в России введен в 2019 году [Международная организация по стандартизации ISO: новый стандарт ISO по устойчивому развитию сообществ, 2016]. На уровне территорий и местных сообществ тезис мотивирования вовлеченности работников трансформируется в распространённые практики Всемирного Банка по партисипативному бюджетированию (Программа поддержки местных инициатив, и т.д.).

Выход из терминологического многоголосья может быть найден в рамках социокультурного подхода: при изучении капитала общественного участия на местном уровне необходимо учитывать контекст социокультурной реальности: т.к. в целом цифры российского общественного и гражданского участия на местном уровне невелики [Макарова, 2015], понижена значимость соседских отношений, присутствует эрозия гражданства, [Скалабан: 5] и, поскольку очень сложно дифференцировать эти виды участия в теории, т.к. по меткому определению О. Яницкого, «Формируется широкий диапазон сложных, комплексных форм политических, гражданских или социальных действий, куда могут включаться даже политический консьюмеризм, этичное поведение, активность новых гражданских и социальных групп и добровольчество» [Inglehart, 1997; Шабанова, 2016; Яницкий, 2015; Яницкий, 2015: 53- 60] имеет смысл, вслед за О. Яницким, на местном уровне при разработке методологии измерения партисипативных практик социального управления не слишком дифференцировать разные виды участия, максимально сосредоточившись на тех практиках общественного участия в решении актуальных общественно-экономических проблем, которые способствуют цели эффективного местного развития.

Как свидетельствует теория и практика, достаточно слабо развитая в измерении, но обладающая высоким потенциалом область структурного капитала общественного участия выражена категорией социального партнерства, межгруппового и межсекторного. По мнению Пясецкой Е. Н., проблемные области фокусируются здесь в недостаточной активности МС как следствие качества взаимодействия субъектов управления (МС и органов ТОС) [Пясецкая, 2015: 61–65]. Е. А. Полозова [Зиновьева, Мацкевич: 88] отмечает, что в рамках формирующейся культуры взаимодействия местных сообществ уровень партнерского взаимодействия прочнее в небольших городах, где партнерство строится преимущественно на личных контактах.

Зарождающаяся теория социального партнёрства объясняет механизм, принцип и технологии полисубъектного социального управления во взаимодействии людей, групп и секторов общества. Как понятие, межсекторное социальное партнерство – это социальное партнерство социальных групп в обществе; межсекторное взаимодействие

между общественными объединениями (т.н. «гражданским», «третьим сектором»), государством и бизнесом. В этой форме социального партнерства в диалог вовлекается большое количество социальных агентов, заинтересованных в решении общих проблем, с целью более быстрого и эффективного достижения результатов за счет объединения ресурсов и пр. Область решаемых проблем касается любых социальных системных, межсекторных вопросов [Бородина, 2016]. По мнению В. Шендрика, современное определение межсекторного партнерства звучит как новая социальная структура, которая организовывается с целью ответить на общие проблемы и вопросы местного сообщества [Джамали, 2011; Kolk, Долен & Vock, 2010; Сельский Дж & Паркер, 2005; Shandrik, 2013: 76]. В современной отечественной литературе изучается и совершенствуется методология межсекторного социального партнерства [Никовская, 2003; Якимец, Осьмук, Лебедева, Прохорова, Скалабан, 2014], в том числе и на региональном уровне [Галлямов, Горбунова, 2013] и др.

В систему измерения структурного капитала «общественного участия» необходимо включить прежде всего блок исследования совместных действий акторов гражданского общества и органов местной власти и управления (капитала и потенциала партнерства). Зарубежные исследования свидетельствуют: «использование исследования совместных действий (PAR) может представить более глубокую и целостную картину опыта организаций гражданского общества (ОГО) в формировании социальной политики» [Carney, Dundon, Léime, 2012: 313–330].

В частности, есть опыт эффективной практики измерения вопросов деятельности по формированию и реализации стратегий общегородского и местного стратегического партнерства, результатов, вопросов взаимоотношений, таких как доверие и связи с социальным капиталом. В качестве методов могут использоваться формальные и неформальные интервью, а также письменное общение с членами партнерства [Apostolakis, 2004: 103–112].

В конечном счете, в социокультурном ракурсе важным для понимания сущности общественного участия становится ближайший фон («социокультурная реальность» [Орлова, 2017: 151–175] внешних и внутренних факторов, препятствующих или способствующих его реализации в обществе в целом и в конкретном социуме. Поэтому изучение общественного участия будет эффективнее с учетом анализа ключевых факторов внешней и внутренней среды общественного участия в российском социуме. Наряду с традиционными формами, уровнями и видами проявления общественной активности современных групп, на местном уровне актуальным становится измерение новых, получающих широкое распространение практик общественного участия: участие в волонтерстве и иных добровольческих сообществах, электронная или интернет-активность и др.

Поскольку в нашем случае предметом исследования будет являться не состояние гражданского участия или гражданского общества как таковое, а возможность выделения предпосылок и практик общественного участия населения в процессах

муниципального управления и решения актуальных социально-экономических проблем, возникает дальнейшая задача скомпоновать такую систему индикаторов и такой подход к предмету исследования, который бы наиболее отвечал задачам исследования российских муниципальных образований на пути модернизации российского общества.

В частности, интересна практика регионального проекта **Стратегий развития муниципальных районов Республики Башкортостан** (2018 г.). Концепция разработки Стратегий строилась на основе концепции человеческого капитала, концепции устойчивого развития. В раздел стратегического направления и проектов «Человеческий капитал» был включен пункт «Социальная активность». В пункте было представлено три направления оценки: потенциал социальной активности, общественного участия и инновационности населения МР. Методика исследования включала: беседы и форсайт-сессии с экспертами, статистические республиканские сборники с показателями НКО по организационно-правовым формам, информацию официальных сайтов муниципальных органов власти и управления, отчетность муниципальных органов власти и управления (ежегодные доклады глав МР, доклады о достигнутых значениях показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципального района). Анкета 2018 г.⁴⁰³ включала индикаторы: участие населенного пункта и личное участие в Программе поддержки местных инициатив (ППМИ), самооценку возможности людей повлиять на положение дел на разных уровнях, самооценку гражданской идентификации, оценку готовности объединиться для решения общественных проблем, самооценка активности в общественной жизни на разных уровнях, практики личного участия в коллективном решении общественных проблем и др [Янгиров, Абзалилова, Багаев, Барабанова, Барлыбаев, Болотова, Бородина, 2019].

Вместо выводов. Таким образом, в теории измерения капитала общественного участия присутствует мультиконцептуальная основа. Предстоит уточнение в разработке методологии измерения. Необходимо найти оптимальный баланс комплекса методов измерения. Зарубежные источники свидетельствуют, что должны исследоваться: документы стратегического планирования муниципальных образований и сайты муниципальных районов и городов, добровольная отчетность об интеллектуальном, социальном и организационном капитале; применяются комбинированные методы исследования человеческого капитала и его подвидов или изучения связи человеческого капитала с другими факторами. В отечественной практике полезно использование отдельно взятых показателей состояния некоммерческого сектора и гражданского участия из данных официальной статистики (Росстат, Минюст, Минэкономразвития) или составление индексов на их базе.

---

⁴⁰³ Социологический опрос Академии Наук Республики Башкортостан и Института стратегических исследований Республики Башкортостан проведен в рамках проекта «Стратегии социально-экономического развития муниципальных образований Республики Башкортостан» в 2018 г. Выборка квотная, включает респондентов 22 МР Республики Башкортостан. Метод анкетирования.

Библиографический список

Армстронг М., Тейлор С. Практика управления человеческими ресурсами. Переводчик: Малкова И. Редактор: Строганов Д. Издательство: Питер, 2018. 1040 с.

Бородина А. В. Межсекторная молодежная политика: понятие и современные технологии социального партнерства // Современные исследования социальных проблем. Электронный научный журнал. 2016. С. 149–163.

Виноградова Т., Сунгуров А. Гражданская активность и общественное участие [Электронный ресурс] // URL: <http://www.hro-uz.narod.ru/civpar1.html> (дата обращения: 03.06.2020).

Галлямов Р. Р., Горбунова Г. Д. Отечественные и зарубежные определения понятия «межсекторное социальное партнерство»: сравнительный анализ основных подходов // Вестник ВЭГУ. 2013. № 1 (63). С. 26–32.

Гилязитдинов Дж. М. Некоторые теоретико-концептуальные проблемы реформирования системы социальной защиты РБ. Теоретико-концептуальные проблемы реформирования системы социальной защиты РБ. Уфа, 1997. 13 с.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития российской федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [веб-сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=308069&fld=134&dst=100019,0&rnd=0.6400285955400509#05005938574115065> (дата обращения: 03.06.2020).

Кулибаба С. И. Развитие культуры местного сообщества (в аспектах социального партнерства, креативности и профессионализма) // Вестник ВОлГУ. Сер. 7. Философия. 2012. С.115–120.

Лебедева И. С. Межсекторное социальное партнерство как социальная система // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 4 (04). С. 471–477.

Макарова О. А. Общественно-политическое участие населения на муниципальном уровне // Вестник КемГУ. 2015. С.69–72.

Международная организация по стандартизации ISO: новый стандарт ISO по устойчивому развитию сообществ, 2016. ISO 37101, Sustainable development in communities – Management system for sustainable development – Requirements with guidance for use [Электронный ресурс] // URL: https://www.iso.org/files/live/sites/isoorg/files/archive/pdf/en/iso_37101_sustainable_development_in_communities.pdf (дата обращения: 03.03.2020).

Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р ИСО 37101–2018 Устойчивое развитие в сообществах. Система менеджмента. Общие принципы и требования [Электронный ресурс] // База ГОСТов: [веб-сайт]. URL: https://allgosts.ru/03/120/gost_r_iso_37101-2018 (дата обращения: 01.05.2020).

Орлова Э. А. Адаптационные возможности социального взаимодействия. // Вопросы социальной теории. 2017. Т. 9. С. 151–175.

Орлова Э. А. Концепция социального взаимодействия в контексте изучения социокультурной микродинамики // Обсерватория культуры. 2014. № 6. С. 4–16.

Полозова Е. А. цит. по: Зиновьева Ю. В., Мацкевич Ю. Ю. Музей и его партнеры: взаимодействие с местным сообществом // Труды СПбГИК. 2015. С. 88.

Пясецкая Е. Н. Местное сообщество и муниципальное управление: трансформация взаимодействия // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № 9. С. 61–65.

Симонова Е. В., Майкова Э. Ю. Самоуправленческий потенциал населения как критерий моделирования региональных систем местного самоуправления (на примере

Тверского региона) (аннотация) XVIII Апрельская международная научная конференция «Модернизация экономики и общества» [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: [веб-сайт]. URL: <https://grans.hse.ru/conf2017> (дата обращения: 01.05.2020).

Скалабан И. А. Общественное участие как социальный проект на соискание степени: доктор социологических наук по специальности: 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы [Электронный ресурс] // Портал ИЭОПП СО РАН: [веб-сайт]. URL: http://share.kz.ieie.nsc.ru/zashita/Document/SkalabanIA/dissert_scalaban.pdf (дата обращения: 01.06.2020).

Уханова Ю. В. Гражданское участие как инструмент развития регионального сообщества [Электронный ресурс] // Секция "Государственное управление, местное самоуправление и сектор НКО" XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества НИУ ВШЭ. Руководители: А. В. Клименко, И. В. Мерсиянова, А. А. Яковлев. URL: <https://grans.hse.ru/data/2019/04/09/1176091552/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%A3%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%AE.%D0%92.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).

Янгиров А. В., Абзалилова Л. Р., Багаев Э. Н., Барабанова Д. А., Барлыбаев А. А., Болотова Л. В., Бородина А. В. Стратегия социально-экономического развития муниципального района Кармаскалинский район Республики Башкортостан на период до 2030 года: монография / под.общ.ред. А. В. Янгирова. Уфа: Аэтерна, 2019. 230 с.

Яницкий О. Н. Общественный активизм в России: вчера и сегодня // Власть. 2015. № 2. С. 53–60.

Apostolakis Ch. "Citywide and local strategic partnerships in urban regeneration: Can collaboration take things forward // Politics 24. 2004. № 2. P. 103–112.

Carney G. M., Dundon T., and Léime Á. N. "Participatory action research with and within community activist groups: Capturing the collective experience of Ireland's Community and Voluntary Pillar in social partnership." // Action Research. 2012. № 3. P. 313–330.

Schultz, Bontis., Edvinson., and Malone. Armstrong's Handbook of Human Resource Management Practice, 2009. 1037 p.

Shandrik V. Interaction between partnership sectors at creation the public private partnership. // Journal of Public Administration, Finance and Law. 2013. P/171–179.